

ОБЩЕСТВО

\$150 млрд. Потом Германия, Южная Корея и, наконец, Россия с \$38 млрд, что почти в 12 раз меньше, чем в США.

Если взять процент к ВВП, то ситуация в мировом рейтинге немного меняется, но опять же не в пользу России. Южная Корея и Израиль вкладывают в науку 4,3 и 4,1%, Россия — чуть больше 1%. И это накапливающийся эффект.

«Что это, если не запрограммированная деградация населения?» — задаётся вопросом лектор. Кто не думает о будущем, у того его и нет. «Инвестиции в человеческий капитал — это актив, а не расходы. С ними связано разнообразие и развитость общества», — напоминает Гудков. К слову, падение инвестиций в человеческий капитал произошло тоже после протестов 2011–2012 годов.

«Добивает» общество пропаганда и апелляция к тотальному единству страны из-за великого прошлого. За этим Лев Гудков видит приоритет коллективных ценностей, а не частной жизни, за счёт чего и возможно проведение репрессивной политики.

Здесь начинает работать механизм консервации политической системы. С прошлого века в стране не поменялась структура наблюдения за властью, её контроля со стороны полиции, судов и образования, где на гуманитарных специальностях воспроизводятся все исторические клише. Это воспроизводство советского типа мышления без явных признаков характерной идеологии.

Всё та же попытка примитивизации общества ведёт к обеднению запросов. В России богатые люди принципиально не отличаются от низших слоёв по структуре запросов. Все опросы показывают, что они хотят того же, только побольше и подороже. А ведь разнообразие и запросов, и деятельности — то, что характеризует свободное общество.

При этом совершенно необязательно, чтобы было много преследуемых, чтобы в тюрьмах сидели политзаключённые. Достаточным для установления контроля власти можно считать разрыв групповых связей. Лев Гудков привёл пример с увольнением руководителей редакции РБК: «Необязательно запрещать и разгонять — можно просто сместить собственника».

Мифы и комплексы

В ситуации, когда возможности осознания реальности заблокированы, из недр коллективного сознания поднимаются мифы. Не случайно возникла ностальгия по советским временам у молодых людей. Их зачастую деформированные представления о советском прошлом выступают в качестве основания для критической оценки настоящего.

«Травма от распада СССР сильна, я её недооценил», — признаётся Лев Гудков. Компенсируется она опять же пропагандой. В частности, усиленно работает комплекс «осаждённой крепости», усиливается ненависть к окружающим странам. В 1989 году только 13% говорили, что у страны есть враги, а 47% считали, что прежде всего нужно разобраться с собственными проблемами, а потом искать врагов.

По мере выхода из кризиса был достигнут консенсус в том, что Запад Россию не любит. Он хочет колонизировать великую державу, забрать ресурсы, поставить на колени. На фокус-группах социологи выявили один устойчивый миф: некоторые люди считают, что правительство США хочет оставить на пла-

нете 18 млн людей. Именно 18 — ровно столько называли раз от разу, причём объяснений ни у кого не было.

Но при всех антиамериканских и антиевропейских настроениях фундаментально симпатии к Западу в России неустранимы, потому что другой модели развития, кроме как модернизационной, нет. Запад для русского человека — утопия, то, что мы бы хотели иметь у себя: права человека, технологии, достаток. Но люди понимают, что они не будут так жить. По словам Льва Гудкова, это ощущение собственной неполноценности выражается в бытовании некоторых выражений, которые не придуманы пропагандой. К примеру, определение себя как «совка» или выражение «жить как в нормальных странах», активно встречавшееся в 1990-х годах. Эти комплексы порождают зависимость от западных стран и в то же время сильную ответную агрессию. Многие считают, что к России на Западе относятся негативно, и это при том, что читают иностранные источники не более 1,5% россиян (что опять же отсылает к уровню образованности).

За четыре волны антиамериканских настроений, нахлынувшие с 1999 года, нынешнюю волну можно считать самой долгой. И тем не менее эта ситуация крайне неустойчивая. Аналитиками выявлено, что, как только перестаёт работать пропаганда, люди об этом забывают. Так забылись антигрузинские настроения, которые в 2008 году были очень сильными. По статистике, сегодня наиболее враждебное отношение у людей, естественно, к США, которое в 2013 году присутствовало у 25%, а уже через год увеличилось в два раза, и к Украине, которую три года назад даже никто не называл враждебной страной. С началом Майдана 75% опрошенных говорили, что это внутреннее дело страны и России не стоит вмешиваться.

Устойчивый негативизм в обществе сохраняется по отношению и к Балтийским странам, которые представляют пример успешного транзита.

Проблемы сознания

Сегодняшняя политика поддерживается 80% населения по простой причине: она соответствует ожиданиям людей. В конце президентского срока Ельцина люди ждали от нового президента прекращения войны с Чечнёй, выхода из экономического кризиса и возвращение статуса великой державы. Поэтому пиком патриотических настроений можно считать время присоединения Крыма.

Как можно выйти из кризиса сознания? Нужно увеличить расходы на человеческий капитал, восстанавливать межгрупповые связи и уже наконец-то начать осознавать, что происходит.

Судя по вопросам, адресованным Льву Гудкову (от реформы академии наук до причин распада СССР), растерянность людей действительно сильна. Но именно это общество в тот день «восстанавливало межгрупповые связи» в университетской аудитории. Об этом точнее модератора обсуждения, директора Центра ГРАНИ Светланы Маковецкой не скажешь: «Тем увеличительным стеклом, с помощью которого мы будем находить будущее, являемся мы сами».

Правда, сколько процентов слушателей с этим согласны, осталось неизвестно.

ЛЕГЕНДА

«Русские спортсмены — такие же люди»

Участнице Олимпийских игр 1956 года в Мельбурне Вере Юговой исполнилось 70 лет

Александр Мальцев

Глядя на эту женщину, о её возрасте не задумываешься. А ведь жизнь Веры Ефимовны лёгкой не назовёшь. Семья Веры Юговой приехала в Пермь в 1945 году — мама и трое детей. Отец строил счастье с другой женщиной. Надо было жить, растить детей, и мама устроилась работать уборщицей в техникум, получила комнату в общежитии, где можно было поставить три простенькие кровати и сундук, на котором и спала будущая участница Олимпийских игр.

Время было тяжёлое, послевоенное. Денег, естественно, не хватало, питались порой картофельными очистками. Но Вера была, несмотря ни на что, весёлой, подвижной девочкой. Очень любила спорт, была непременной участницей всех школьных соревнований, часто их выигрывала и даже прыгала в длину за 4 м. Бегала босиком, берегла обувь. Но на пьедестал надевала белые носочки, туфельки и платье сестры.

Выделявшуюся среди ровесников девочку заметили тренеры спортбщества «Динамо», пригласили заниматься и даже дали ей небольшую стипендию. Все деньги, не считая, Вера отдавала маме. А тут и старший брат Геннадий устроился работать на мясокомбинат. Жить стало легче.

Юная бегунья с каждым годом прогрессировала, улучшая свои результаты в беге на 100 и 200 м. Она выигрывала чемпионаты города, области, РСФСР, СССР. (Кстати, рекорд Пермской области, установленный Юговой, был побит лишь в 1989 году.) И 18-летнюю спортсменку пригласили в сборную для участия в летних Олимпийских играх 1956 года в Мельбурне (Австралия).

— **Вера Ефимовна, вспомните свои впечатления полувековой давности от участия в самом грандиозном спортивном форуме.**

— После сборов в Ташкенте мы вылетели в Мельбурн с посадкой в столице Бирмы — Рангуне. Там провели ночь в гостинице. Была жуткая духота. Я спала под вентилятором, а приземлившись в Австралии, почувствовала острую боль в спине. Не могла даже завязать шиповки, так прихватило. Тренерский совет принял решение не выставлять меня на старт. Но я подумала: «Зря, что ли, 14 часов летела через весь Тихий океан? Буду участвовать в Олимпиаде!» И после обширной новокаиновой блокады вышла на дистанцию.

Четвертьфинальный забег прошёл удачно. Вышла в полуфинал. Рассчитывала, что в финале буду точно. Но

метров за 15 до финиша так прихватило, что кое-как дошла пешком. Так участие в Олимпиаде для меня закончилось.

Зато были и приятные воспоминания. Например, бег на 5 тыс. м нашего стайера Володи Куца или победа футбольной сборной с Яшиным, Стрельцовым, Нетто. Обратное мы всей олимпийской командойплыли 20 дней от Мельбурна до Владивостока на теплоходе, а потом ехали через всю страну на поезде. На каждом полустанке нас встречали толпы людей с наряженными ёлками и шампанским. По стране шёл Новый год. Но я решила не ехать в Москву на торжества по поводу удачного выступления сборной СССР. Очень соскучилась по дому. Вышла в Перми. Мама принесла мне к поезду валенки и полушубок. А потом начались мои многочисленные встречи: на заводах, в школах, студенческих аудиториях, на строительстве КамГЭС, в колониях.

— **Правда, что в Мельбурне к советским спортсменам относились особо?**

— Сначала считали, что приехали страшные медведи из таёжной Сибири. Такая была пропаганда. Поселили нас изолированно, за высоченным забором, с охраной. Попытались устраивать провокации. Как-то в наше отсутствие переворошили в домике все вещи. Но потом, ближе познакомившись, убедились, что русские спортсмены — такие же люди: весёлые, остроумные и доброжелательные. В город, дабы избежать «неожиданностей», мы выходили пятёрками со старшим из известных органов.

А в целом Олимпийские игры — это действительно грандиозный спортивный праздник.

— **Как сложилась ваша послеспортивная жизнь?**

— Я окончила Пермский государственный педагогический институт, факультет физвоспитания. Позже — заочно химико-биологический факультет этого же института. Немного работала тренером в родном «Динамо», а затем около 40 лет в сельхозинституте заместителем декана агрономического факультета по спортивно-массовой работе. Некоторое время преподавала химию в общеобразовательной школе №21.

— **Юбилей отмечали с размахом?**

— Думала вообще не отмечать. Но мне в родном «Динамо» устроили настоящий праздник. Помогли из спорткомитетов города и края. Было много подарков, цветов, добрых слов. Очень приятно, что меня не забыли.